

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ ВЕРХОВНЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ (Окончание)¹⁾

© 2018 г. В. В. Момотов

Верховный Суд Российской Федерации, Москва

E-mail: fedorov_si@vsrf.ru

Поступила в редакцию 07.08.2017 г.

В статье рассматриваются место и роль толкований правовых норм, даваемых Верховным Судом РФ, в правовой системе России. С опорой на взгляды представителей социологической школы права обосновывается позиция, согласно которой такие толкования являются источниками права (так называемого “живого права”).

Дана общая оценка действующей в Российской Федерации системе толкования права, в рамках которой Верховным Судом осуществляется официальное толкование права. На конкретных примерах показано, что высшая судебная инстанция применяет все разработанные наукой теории права методы толкования: буквальный, системный, телеологический, исторический. Сформулирована иерархия толкований правовых норм Верховным Судом (определения по конкретным делам, обзоры судебной практики, постановления Пленума), каждая из “ступеней” которой выступает предпосылкой для последующей.

Показано значение толкований высшей судебной инстанции для развития правовой системы, выражающееся (в частности) в восполнении правовых пробелов, разрешении правовых коллизий, применении существующего правового регулирования к динамично меняющимся и усложняющимся общественным отношениям, а также во взаимном влиянии толкования права и законотворческого процесса. Продемонстрированы последние тенденции в развитии судебного толкования права, в частности появление так называемых упреждающих разъяснений Пленума Верховного Суда.

Ключевые слова: толкование права, Верховный Суд РФ, постановление Пленума, судебная практика, источники права.

DOI: 10.7868/S0132076918050037

Роль толкований правовых норм Верховного Суда Российской Федерации для развития правовой системы

Толкования правовых норм, формулируемые Верховным Судом РФ, оказывают серьезное влияние на развитие правовой системы, восполнение правовых пробелов. Наличие не урегулированных правом лакун в общественных отношениях порождает правовую неопределенность, и на современном этапе первоочередной задачей толкования права является именно устранение такой неопределенности²⁷. Нарастает динамика развития общественных отношений, в результате чего увеличивается разрыв между нормативным регулированием

и его объектом. Такая ситуация создает новые вызовы, стоящие перед судебной системой.

В целях устранения правовых пробелов Верховным Судом активно применяется аналогия закона и права. В частности, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”²⁸ дан целый ряд важных разъяснений, основанных на применении аналогии закона и связанной со взысканием неустойки и, в частности, в п. 60 этого постановления на основе применения гражданского законодательства по аналогии указано на возможность применения положений ст. 333 ГК РФ, предусматривающей снижение судом неустойки, несоразмерной последствиям нарушения

¹ Начало см.: Государство и право. 2018. № 4.

²⁷ См.: Петров В.А., Тихонравов Е.Ю. Пробелы и коллизии в праве. М., 2017. С. 68.

²⁸ См.: Бюллетень ВС РФ. 2016. № 5.

обязательства, не только к “классической” неустойке в денежном выражении, но и к иным “неустойкоподобным” санкциям, выраженным не в деньгах, а в ином определяемом родовыми признаками имуществе. Кроме того, в п. 71 названного постановления обращено внимание на то, что правило о допустимости снижения неустойки только по обоснованному заявлению должника применяется не только к неустойке, подлежащей уплате коммерческой организацией или индивидуальным предпринимателем, но и к неустойке, подлежащей уплате некоммерческой организацией в рамках осуществляемой ею предпринимательской деятельности.

Законодательство применяется высшей судебной инстанцией по аналогии как в рамках официального толкования правовых норм Пленумом Верховного Суда РФ, так и при рассмотрении конкретных дел в кассационном порядке. В частности, в определении Верховного Суда РФ от 11 октября 2016 г. № 78-КГ16–42 предусмотрена возможность применения положений п. 3 ст. 551 ГК РФ, закрепляющих возможность регистрации по решению суда перехода права собственности к покупателю от продавца, уклоняющегося от такой регистрации, в отношении не только договоров купли-продажи, но и договоров дарения недвижимости. В качестве еще одного примера судебного акта, основанного на применении аналогии закона, можно привести определение Верховного Суда РФ от 2 августа 2016 г. № 36-КГ16–8, в котором указано, что положения ст. 29 ЖК РФ, предполагающие переход к новому собственнику жилого помещения обязанности прежнего собственника по приведению такого помещения в первоначальное состояние, подлежат применению к собственникам не только жилых, но и нежилых помещений.

Необходимо отметить, что прямо или косвенно аналогия закона и права применяется высшей судебной инстанцией достаточно часто. В некоторых случаях правовое регулирование применяется к сходным правоотношениям на основе систематического анализа правовых норм, что может быть квалифицировано как “фактическая аналогия закона”. В других случаях суд прямо ссылается на нормы о применении законодательства по аналогии. Многочисленные судебные акты, в которых законодательство применяется по аналогии, являются лучшим свидетельством того, что без активной деятельности высшей судебной инстанции по толкованию правовых норм восполнение целого ряда правовых пробелов было бы невозможным, что в конечном итоге привело бы к росту правовой неопределенности и лишению значительного числа граждан и организаций доступа к правовым способам защиты.

Важным вопросом, разрешаемым Верховным Судом РФ в рамках толкования права, является соотношение общего и специального законодательства. Наличие нескольких правовых норм, предусматривающих различное правовое регулирование для одних и тех же юридических фактов, далеко не всегда означает, что имеет место правовая коллизия. Напротив, чаще всего правовая оценка сложившейся ситуации позволяет прийти к однозначному выводу о том, что одна из правовых норм имеет общий характер, т.е. регулирует более широкий круг общественных отношений, а другая — специальный характер, т.е. регулирует более узкую сферу общественных отношений, находящихся внутри этого круга. Согласно общим правилам толкования права приоритет в этом случае должен отдаваться специальной правовой норме. При этом совершенно очевидно, что вне рамок процесса толкования права вопрос об общем и специальном правовом регулировании не может быть не только решен, но и поставлен: разграничение общего и специального правового регулирования может быть осуществлено только путем официального толкования права²⁹.

Одним из самых ярких примеров разграничения общего и специального правового регулирования высшей судебной инстанцией является сфера отношений с гражданами-потребителями. Закон РФ “О защите прав потребителей”³⁰ регулирует весь спектр правоотношений с участием граждан, приобретающих товары (работы, услуги) для личных, семейных и других нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью. Вместе с тем отношения с участием таких граждан регулируются и другими законами, что порождает вопрос о соотношении правовых норм, регулирующих соответствующие отношения.

Фундаментальное значение для решения возникших вопросов приобрело разъяснение, содержащееся в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”³¹: если отдельные виды отношений с участием потребителей регулируются и специальными законами Российской Федерации, содержащими нормы гражданского права (например, договор участия в долевом строительстве, договор страхования как личного, так и имущественного, договор банковского вклада, договор перевозки,

²⁹ См.: Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М., 2007. С. 89.

³⁰ См.: СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 140.

³¹ См.: Бюллетень ВС РФ. 2012. № 9.

договор энергоснабжения), то к отношениям, возникающим из таких договоров, Закон о защите прав потребителей применяется в части, не урегулированной специальными законами.

Иными словами, в этом разъяснении Закон о защите прав потребителей впервые квалифицирован как общий закон, регулирующий отношения с участием граждан-потребителей, а иные законы, регулирующие эти отношения, — как специальные. Конкретизация и дальнейшее развитие такого толкования происходили в принимавшихся впоследствии постановлениях Пленума Верховного Суда, а также в утверждаемых Президиумом обзорах судебной практики и определениях по конкретным делам. В частности, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 “О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан” в качестве специальных законов, регулирующих отношения с участием граждан по добровольному страхованию имущества, названы гл. 48 ГК РФ и Закон об организации страхового дела, а в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 января 2015 г. № 2 “О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств”³² — также Закон об ОСАГО. В качестве одного из последних примеров можно привести разъяснение, содержащееся в п. 8 Обзора судебной практики разрешения дел по спорам, возникающим в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2017 г.), согласно которому за нарушение срока удовлетворения требований участника долевого строительства о безвозмездном устранении недостатков объекта застройщик несет ответственность, предусмотренную Законом о защите прав потребителей, поскольку специальным законодательством об участии в долевом строительстве такая ответственность не предусмотрена.

Говоря о постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, следует отметить, что в сравнительно-правовом аспекте они представляют собой уникальное правовое явление. В зарубежных правовых порядках в высших судебных инстанциях также сформированы Пленумы, включающие всех судей конкретного суда. Однако Пленумы судов в других правовых порядках наделены либо организационными функциями, либо судебными функциями по надзорному пересмотру вступивших в силу судебных постановлений, либо функциями по разъяснению

норм закона, подлежащих применению в конкретном деле и переданных нижестоящей инстанцией на рассмотрение Пленума³³.

У Пленумов иностранных судов отсутствует полномочие по абстрактному толкованию правовых норм, т.е. по толкованию их не в связи с рассмотрением конкретного дела, а по своему усмотрению, исходя из целесообразности в конкретный исторический момент разъяснить какую-либо норму. В Российской Федерации толкования, даваемые Пленумом Верховного Суда, являются абстрактными и не связаны с рассмотрением конкретных дел (в отличие, например, от утверждаемых Президиумом Верховного Суда обзоров судебной практики).

Более того, в последние годы изменился сам характер принимаемых Пленумом Верховного Суда РФ постановлений. Ранее, начиная еще с советских времен, постановления Пленума Верховного Суда СССР (а впоследствии — Российской Федерации), как правило, давали ответы на вопросы, возникшие у нижестоящих судов при рассмотрении конкретных дел. Иными словами, разъяснения Пленума представляли собой реакцию на те или иные проблемы, возникшие в правоприменительной практике. Не случайно название большинства постановлений Пленума начинались словами: “О вопросе, возникшем в судебной практике...”.

Сегодня же все чаще наряду с традиционными постановлениями Пленума Верховного Суда РФ принимаются постановления Пленума Верховного Суда, которые разъясняют последние законодательные изменения в той или иной сфере в отсутствие какой-либо сложившейся практики применения этих изменений. Разъяснения Пленума не реагируют на судебные ошибки, а упреждают эти ошибки, заранее представляя судам толкование новых правовых норм. Это связано с нарастающей динамикой обновления законодательства, особенно гражданского. Новое законодательство часто бывает фрагментарным, имеющим пустующие лакуны не урегулированных правом отношений. Такой уровень толкования является вдвойне уникальным и присущим только нашему правовому порядку: если принимавшиеся ранее постановления тоже содержали абстрактные толкования, но всё же были обусловлены рассмотрением судами конкретных дел, то некоторые принимаемые в настоящее время постановления Пленума часто не опираются на какую-либо судебную практику, а их авторы имеют “перед глазами” лишь текст правовой нормы.

Именно такой характер имеет, например, целая серия постановлений Пленума Верховного

³² См.: там же. 2015. № 3.

³³ См.: *Lundmark T. Charting the Divide between Common and Civil Law. Oxford, 2012. P. 361.*

Суда, связанных с реформой Гражданского кодекса РФ. Еще не успела сложиться практика применения новых гражданско-правовых норм, а у судов уже начали возникать вопросы “на перспективу” о том, как именно им предстоит применять те или иные новые положения. Именно поэтому появились постановления Пленума Верховного Суда от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”³⁴, от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”³⁵, от 29 сентября 2015 г. № 43 “О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности”³⁶ и некоторые другие. Кроме того, например, в связи с существенным изменением Закона об ОСАГО было оперативно разработано и принято постановление Пленума Верховного Суда от 29 января 2015 г. № 2 “О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств”³⁷.

В сфере процессуального права “упреждающий” характер носили, например, недавно принятые Пленумом постановления от 18 апреля 2017 г. № 10 “О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве”³⁸ и от 27 декабря 2016 г. № 62 “О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве”³⁹.

Введение в российский правовой порядок института банкротства граждан потребовало незамедлительного разъяснения соответствующих законодательных новелл, поскольку применение процедуры банкротства самым существенным образом сказывается не только на правах и обязанностях гражданина-банкрота, но и на правовом положении третьих лиц. Законодательные положения о банкротстве граждан вступили в силу с 1 октября 2015 г., а уже 13 октября 2015 г. было принято постановление Пленума Верховного Суда РФ № 45

“О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан”⁴⁰.

Новый подход к судебному толкованию права отвечает запросам времени, и не случайно многие зарубежные исследователи обращают на него внимание как на позитивный пример разъясняющей работы суда. Общественные отношения динамично развиваются: появляются принципиально новые виды отношений, а существующие усложняются. Темпы такого развития возрастают с каждым годом. Подобная динамика требует реакции со стороны законодателя, а также со стороны высшей судебной власти. Принятие “упреждающих” разъяснений направлено в первую очередь на защиту интересов граждан и обеспечение принципа правовой определенности: высшая судебная власть не ждет появления типовых ошибок, нарушающих права участников процесса, но предвидит и предотвращает их появление.

Важным фактором, влияющим на динамику обновления правового пространства, является научно-технический прогресс, ставящий перед судебной системой принципиально новые вопросы, которые ранее были ей неизвестны и не урегулированы законодательно.

В частности, проведение биомедицинских исследований на человеке с использованием его органов и тканей, а также генетического материала ставит перед обществом и судом принципиально новые вопросы, именуемые биоэтикой. Новые трансплантационные технологии, генная инженерия, репродуктивные технологии порождают совершенно новые споры о балансе интересов различных участников этих процедур, а также публичных и этических норм.

Например, вспомогательные репродуктивные технологии, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов происходят вне материнского организма, существуют не первый год и нашли свое отражение в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”⁴¹, Федеральном законе от 15 ноября 1997 г. “Об актах гражданского состояния”⁴², а также в Семейном кодексе РФ⁴³. Суррогатное материнство нельзя назвать “белым пятном” российского права — нормы, регулирующие соответствующие отношения, содержатся

³⁴ См.: Бюллетень ВС РФ 2015. № 8.

³⁵ См.: там же. 2016. № 5.

³⁶ См.: там же. 2015. № 12.

³⁷ См.: там же. 2015. № 3.

³⁸ См.: Росс. газ. 2017. 25 апр.

³⁹ См.: Бюллетень ВС РФ. 2017. № 2.

⁴⁰ См.: См.: там же. 2015. № 12.

⁴¹ См.: СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

⁴² См.: СЗ РФ. 1997. № 47, ст. 5340.

⁴³ См.: СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16.

в названных Законах. При этом действующее законодательство по вопросу о том, кто будет воспитывать ребенка после его рождения, отдает безусловный приоритет интересам суррогатной матери. При этом какие-либо механизмы учета мнения генетических родителей ребенка, а также интересов самого ребенка законодательством прямо не предусмотрены, но и не запрещены.

Отсутствие прямо предусмотренных законом механизмов учета интересов генетических родителей и новорожденного ребенка породило ситуацию, при которой перед судами встал тяжелейший биоэтический вопрос о балансе интересов биологических и генетических родителей, а также самого ребенка. В судебной практике сформировался существенный дисбаланс в пользу интересов суррогатной матери, при котором отсутствие согласия суррогатной матери на регистрацию генетических родителей ребенка само по себе являлось достаточным основанием для отказа в такой регистрации и не требовало оценки мотивов, которыми руководствовалась суррогатная мать, а также интересов ребенка.

Судами предпринимались отдельные попытки, вникнув в суть проблемы, восстановить нарушенный баланс интересов. В частности, указывалось на необходимость оценки того, действительно ли у суррогатной матери возникли материнские чувства по отношению к ребенку, возможность исполнения родительского долга и обеспечения права ребенка жить и воспитываться в ее семье. Однако такие попытки судов отвергались вышестоящими инстанциями как незаконные.

В связи с тем что назрела необходимость решения возникшей биоэтической проблемы, необходимые разъяснения были даны в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16 “О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей”⁴⁴. В частности, было указано, что в случае, если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись лиц, заключивших с ней договор, в качестве родителей ребенка, то данное обстоятельство не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание. В целях правильного рассмотрения дела суду, в частности, следует проверить, заключался ли договор о суррогатном материнстве и каковы условия этого договора, являются ли истцы генетическими родителями ребенка, по каким причинам

суррогатная мать не дала согласия на запись истцов в качестве родителей ребенка, и с учетом установленных по делу обстоятельств, а также положений ст. 3 Конвенции о правах ребенка разрешить спор в интересах ребенка (п. 31).

При этом Пленум Верховного Суда исходит из приоритета гражданско-правового элемента в правоотношениях между генетическими родителями и суррогатной матерью. Наличие между ними обязательственных правоотношений нельзя списывать со счетов — напротив, именно гражданско-правовой договор является основой отношений между суррогатной матерью и генетическими родителями ребенка и основанием возникновения у суррогатной матери определенных обязанностей перед генетическими родителями. Понятно, что этический элемент подобных отношений чрезвычайно сложен и внутренне противоречив. Однако необходимо принимать во внимание, что фундаментом отношений с суррогатной матерью является договор, в связи с чем следует придерживаться более прагматичного подхода, основанного не на эмоциях, а на добросовестности сторон договора и необходимости надлежащим образом исполнить его. Итак, высшей судебной инстанцией был разрешен самый сложный биоэтический вопрос о наличии собственных прав и интересов у генетических родителей ребенка.

Влияние научно-технического прогресса на разъяснения закона, даваемые высшей судебной инстанцией, не ограничивается биоэтическими вопросами. Так, в связи с развитием коммуникационных технологий и наличием почти у каждого гражданина мобильного телефона, позволяющего принимать смс-сообщения, 9 февраля 2012 г. было принято постановление Пленума Верховного Суда РФ № 3 “О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации”⁴⁵, предусматривающее возможность почти по всем категориям дел направлять участникам процесса смс-извещения.

В качестве еще одного из примеров того, как научно-технический прогресс влияет на даваемые Верховным Судом толкования, можно привести развитие отношений в сфере интеллектуальной собственности. В настоящее время готовится новое постановление Пленума, разъясняющее спорные вопросы применения ч. IV ГК РФ с учетом произошедших в этой сфере изменений. Постановление будет учитывать появление новых технических средств и методов распространения произведений, профильных Интернет-ресурсов, а также

⁴⁴ См.: Росс. газ. 2017. 24 мая.

⁴⁵ См.: Бюллетень ВС РФ. 2012. № 4.

появление в Интернете средств массовой информации, активно использующих фото- и видеоматериалы.

Влияние толкований правовых норм Верховным Судом РФ на правовое развитие Российской Федерации не ограничивается приспособлением существующего правового регулирования к усложняющимся общественным отношениям. Смысл закона, выявляемый Пленумом Верховного Суда при его толковании, учитывается при разработке проектов федеральных законов, а в некоторых случаях непосредственно служит основанием для разработки законодательных изменений.

Говоря о последних проявлениях такого влияния, можно отметить подготовку Минюстом России проекта федерального закона «О внесении изменения в статью 5 Федерального закона “О потребительском кредите (займе)”»⁴⁶, меняющего очередность погашения требований по потребительским кредитам. Поводом к разработке этого законопроекта (согласно Пояснительной записке к нему) послужило разъяснение Пленума Верховного Суда о недопустимости первоочередного погашения штрафов, неустоек и иных мер ответственности перед другими требованиями, названными в ст. 319 ГК РФ (в частности, включающих основной долг, проценты за пользование кредитом и т.д.). Закон о потребительском кредите, в отличие от разъясненного Верховным Судом смысла норм ГК РФ, предусматривает возможность установить в договоре приоритет мер ответственности перед другими требованиями, что, по мнению Минюста, ставит граждан-потребителей в худшее положение по сравнению с участниками отношений, урегулированных Кодексом.

В сфере уголовного права примером подобного законопроекта может служить разработанный Минюстом проект федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за коррупцию)”⁴⁷, предусматривающий уточнение предмета коммерческого подкупа и взятки. Верховный Суд разъяснил, что по российскому законодательству таким предметом могут быть только имущество, услуги имущественного характера и имущественные права, которые должны получить денежную оценку. В то же время Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию предусматривает, что предмет подкупа или взятки может быть в том числе нематериальным и не имеющим денежной оценки. В этой

связи Минюст полагает целесообразным соответствующим образом расширить предмет подкупа в российском уголовном праве.

Министерством экономического развития РФ разработан проект федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации”⁴⁸. Декларируемая цель разработки этого законопроекта — улучшение инвестиционного климата. Проект предусматривает внесение изменений в ст. 76¹ УК РФ, регулиующую освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. В частности, законопроектом предлагается исключить тяжкие преступления из приведенного в названной статье перечня преступлений, от ответственности за которые допускается освобождение в связи с возмещением причиненного ущерба.

При этом разработчики ссылаются на разъяснение, содержащееся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 “О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности”⁴⁹, согласно которому положения ст. 76¹ УК РФ распространяются на преступления небольшой и средней тяжести в сфере экономической деятельности. Как указывают разработчики, в контексте данного высшей судебной инстанцией разъяснения очевидно, что включение в названную статью составов тяжких преступлений является законодательной ошибкой, которую необходимо исправить.

Минобрнауки России подготовлен проект федерального закона “О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей”⁵⁰. Данный законопроект предусматривает внесение ряда изменений в жилищное законодательство, в том числе дополнение ч. 6 ст. 100 ЖК РФ положением, предусматривающим, что в договоре найма жилых помещений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, указываются не все члены семьи нанимателя (как это предусматривает действующее правовое регулирование), а только несовершеннолетние дети и супруг нанимателя.

⁴⁶ Документ опубликован в СПС “КонсультантПлюс”.

⁴⁷ Документ опубликован в СПС “КонсультантПлюс”.

⁴⁸ Документ опубликован в СПС “КонсультантПлюс”.

⁴⁹ См.: Бюллетень ВС РФ. 2013. № 8.

⁵⁰ Документ опубликован в СПС “КонсультантПлюс”.

Разработчики законопроекта указывают, что данное изменение основано на позиции, изложенной в Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с обеспечением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 20 ноября 2013 г.⁵¹ Согласно этой позиции предоставление жилых помещений детям-сиротам и лицам из числа детей-сирот является льготой, которая носит адресный характер и направлена на обеспечение жилыми помещениями именно указанной категории граждан. По мнению разработчиков, необходимо законодательно закрепить такое толкование, защитив детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, от недобросовестных действий состоящих с ними в родстве лиц.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что толкование правовых норм Верховным Судом РФ занимает особое место в современной правовой

системе России. Толкования, содержащиеся в определениях Судебных коллегий, постановлениях Президиума и постановлениях Пленума Верховного Суда, позволяют эффективно восполнять правовые пробелы, обеспечивать неразрывную связь между фактическими общественными отношениями и правовыми предписаниями, а также формируют базу для совершенствования законодательства. Официальное толкование правовых норм, даваемое Верховным Судом РФ, характеризуется высоким качественным уровнем и основано на применении всего спектра методов такого толкования.

Разъяснения Верховного Суда не содержат правовых норм, но являются составным элементом так называемого “живого права”, реальных правоотношений. Такие разъяснения представляют собой уникальное явление нашей правовой действительности, которое реагирует на динамично развивающиеся законодательство и общественные отношения, способствует повышению правовой определенности и доверия граждан к суду как институту разрешения правовых конфликтов.

⁵¹ См.: Бюллетень ВС РФ. 2014. № 3.

THE INTERPRETATION OF LAW BY THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE MODERN LEGAL SYSTEM (*The end*)

© 2018 V. V. Momotov

The Supreme Court of the Russian Federation, Moscow

E-mail: fedorov_si@vsrf.ru

Received 07.08.2017

The article considers the place and role of interpretations of the legal norms given by the Supreme Court of the Russian Federation in the legal system of Russia. Based on the views of representatives of the sociological school of law, the position is based on which such interpretations are sources of law (the so-called “living law”).

The general assessment of the system of interpretation of law in force in the Russian Federation is given, under which the Supreme Court exercises an official interpretation of law. On concrete examples it is shown that the highest judicial instance applies all the methods of interpretation developed by the science of the theory of law: literal, systemic, teleological, historical. The hierarchy of interpretations of legal norms by the Supreme Court (definitions on specific cases, reviews of judicial practice, decisions of the Plenum) is formulated, each of which “steps” is a prerequisite for the subsequent.

The significance of the interpretation of the highest judicial instance for the development of the legal system is shown, in particular, in filling legal gaps, in resolving legal conflicts, in applying existing legal regulation to dynamically changing and complicated public relations, and in the mutual influence of interpretation of law and lawmaking. The latest trends in the development of judicial interpretation of law are demonstrated, in particular, the emergence of the so-called “preemptive” explanations of the Plenum of the Supreme Court.

Key words: interpretation of law, the Supreme Court of the Russian Federation, the resolution of the Plenum, judicial practice, sources of law.